

Девять человек со старинной фотографии

(Заметки написаны по просьбе моего старшего сына Алексея Годера)

Когда я взгляделся в изображенных на фотографии людей, давным-давно ушедших из жизни, и стал обдумывать, что написать о каждом из них, меня охватило сильное волнение, нахлынули воспоминания, большей частью грустные... Право, не знаю, кому они будут интересны. Разве что тем, в чьих жилах течет кровь наших общих предков. Однако начну свой рассказ.

Фотография сделана в позапрошлом веке, а именно в 90-х годах XIX века в одном из колоритнейших городов мира – Тифлисе (ныне Тбилиси). И вот почему я так думаю... Крайняя слева стоящая девочка это моя мама *Елена Васильевна Позоева* (22 февраля 1893 г. – 11 ноября 1977 г.). На семейной фотографии отсутствует мой дядя, брат матери *Сергей Васильевич Позоев* (22 февраля 1899 – февраль 1985), без сомнения он еще не родился. Таким образом, фотография сделана между 1893-м и 1899-м годом. Более точно: маме на фотографии не более 5-6 лет, вероятнее всего, это 1897-й или 1898-й год.

Крайний справа стоящий чернобородый мужчина – мой дед *Василий Аветикович* (в России его отчество произносили: *Аветович*) *Позоев* (1857/?/ - апрель 1940 г.). Дед происходил из дворянской семьи (замечу

в скобках, что моя мама всю жизнь гордилась своим дворянским происхождением).

Дед учился в Лазаревском институте восточных языков в Москве, но, по слухам, тратил время на кутежи и развлечения, в общем – институт он не окончил. Какое-то время дед был управляющим одного из отделений фирмы, принадлежавшей богатейшему армянскому нефтепромышленнику и, согласно молве, щедрому филантропу Александру Манташеву. По семейным преданиям дед однажды обнаружил крупную сумму денег, не проведенных по бумагам фирмы. Дед спокойно мог забрать эти деньги себе, но вернул их на счет Манташева: самое интересное, что тому это вовсе не понравилось, он посчитал, что подобный поступок свидетельствует об отсутствии деловой хватки у его служащего. Пишу об этом со слов мамы, но насколько всё это соответствовало действительности, не знаю.

Долгие годы дед имел нотариальную контору в Тифлисе. В 20-х годах XX века он переехал в Москву и жил до самой смерти в трехкомнатной квартире своей средней дочери Маргариты. Он запомнился мне не очень высоким плотного телосложения седовласым стариком, не расстававшимся при выходе из дома со старинной красивой тростью. С нами, детьми, он общался мало, был замкнут и в отличие от бабушки малоразговорчив. Не помню, чтобы дед когда-либо играл или беседовал с внуками. Может быть, поэтому большой привязанности к нему я не испытывал. Будучи детьми, при встрече с дедом, мы, как это было положено, целовали его, а случалось... дергали за бороду. Однажды он наябедничал на нас старшим, кончилось это плохо, нам влетело, пришлось извиняться.

Помню, как летом 1938 года мы снимали дачу в Верее (тогда это был окруженный лесами прелестный городок, расположенный под Можайском на реке Протве). Дед поселился один, бабушка по какой-то причине осталась в Москве. Он жил минутах в десяти ходьбы от нас, ежедневно в установленный час приходил к нам обедать и приносил с собой пузырек с бесцветной таинственной жидкостью. При этом утверждал, что в пузырьке находится его лекарство. Мне было 8 лет, а сестре Анне 12 лет. Видимо, она и разгадала нехитрый секрет деда (в пузырьке была обыкновенная водка), и мы стали бесцеремонно шутить на его счет: распитие водки в нашем семейном кругу считалось предосудительным. А нынче я сам выпиваю едва ли не бо́льшую дозу

перед обедом... Запомнилось мне, что дед варил на даче по кавказским рецептам сыр, для чего покупал на рынке телячий сычуг и всё необходимое. На мой детский вкус, дедушкин сыр был непривычным и малосъедобным.

В Верее мы поселились в доме священника, который подобно тысячам других священнослужителей был то ли сослан, то ли расстрелян. Незабываемые переживания ребенка, каковым я в ту пору являлся, связаны с находившимся по соседству каменным храмом. С выбитыми стеклами, заваленный внутри камнями и мусором, превращенный в отхожее место, оскверненный теми, кто почитал себя и длинный ряд своих предков христианами, храм производил гнетущее впечатление.

В доме священника мы жили без родителей, с няней, душевной и преданной нам полькой-католичкой *Марией Иосифовной Басовой*, прозванной знавшими ее верейскими отдыхающими *Зубной болью* (бедная женщина непрерывно лечилась). За полгода до того наш с сестрой отец был арестован, обвинен во вредительстве и на 8 лет отправлен в ссылку на Колыму. Мама же не могла надолго покидать Москву, она была актрисой, мастером художественного слова или, проще говоря, чтицей. Мама состояла в помещавшемся на Неглинной улице Всероссийском государственном концертном объединении (ВГКО). Эту аббревиатуру острословы глумливо расшифровывали так: **все ээ как один**. Подобное прочтение нельзя считать до конца справедливым: наряду с низкопробными эстрадниками в этом концертном объединении работали и большие артисты. Спустя годы, сопровождая маму в офис ВГКО на Неглинной, я увидел там стенную газету, в которой был помещен шарж на Александра Вертинского и такие якобы написанные им строки:

Я отражаюсь на витрине,
И все, что было, далеко.
Я маленькая балерина,
Вэ-гэ-ка-о, вэ-гэ-ка-о...

Напомню тем, кто позабыл или не знал вовсе: знаменитый русский шансонье А. Н. Вертинский (1889-1957) вернулся в 1943 г. из эмиграции, а одна из его песенок называлась «Маленькая балерина».

Однако продолжу о дед. Из всей семьи он был единственным верующим (справедливости ради надо сказать, что в доме всегда отмечали Рождество и Пасху). Насколько дед был ревностным христианином, судить не берусь. Но ходил он всегда с янтарными четками и перед сном молился по-армянски («*Хаер мэр, вор еркинес ес...*» - «Отче наш, Иже еси на небесех! ...» и далее по тексту Евангелия). В преклонных годах дед очень любил лечиться, злые и безжалостные языки (принадлежавшие моим кузенам, сыновьям тети Маргуши - Саше и Васе) утверждали, что он приходил в аптеку, здоровался и спрашивал, нет ли каких-нибудь новых лекарств. То есть интересовался не лекарствами, от каких-то конкретных болезней, которыми, скажем, страдал, а любыми только что поступившими в продажу препаратами и снадобьями. Деда в аптеке хорошо знали и всегда рекомендовали ему что-нибудь самое современное.

По рассказам тех же кузенов, которые жили в одной квартире с дедом, последний во всем слушался бабушку - умную и властную женщину (о ней речь впереди). Бывало, зимой дед надевал теплую одежду и готовился к выходу на прогулку. Входила бабушка: «Вася, раздевайся, ты остаешься дома...». И будто бы дед безропотно, без единого вопроса снимал с себя фуфайку, шерстяные носки и прочую теплую одежду. После чего бабушка объясняла ему (а бывало, и не объясняла), почему отменила прогулку. Когда в апреле 1940 г. его не стало, она долго не могла прийти в себя, на ее глазах то и дело появлялись слезы. Ей чудилось, что она видит знакомую фигуру на улице, в городском транспорте. Прожили они вместе около 60 лет.

Упомянутые мной кузены Саша и Вася были трудными подростками, они буквально, как сейчас принято говорить, *достали* деда. Тот жаловался своей младшей дочери – моей матери: «Это ужасные мальчики...». Мама пыталась его успокоить, убеждала в том, что все они в этом возрасте такие. Но не убедила: «Нет, нет, - говорил дед, - ты не знаешь, *ЧТО* это за мальчики». Видимо, старик был прав.

Не могу не упомянуть об отсутствующих на фотографии братьях деда. *Леон Аветикович Позоев*, генерал-лейтенант царской армии, был назначен государем Николаем II командующим войсками Туркестанского военного округа. По рассказам моей бабушки и мамы, супруга генерала отличалась необузданным характером и редкой стержовностью. Когда однажды в ее руки попал служебный пакет с

предписанием изменить дислокацию вверенных генералу войск, эта женщина по каким-то своим соображениям уничтожила пакет, не сказав мужу ни слова. Генерал был сурово наказан за невыполнение приказа, но позже государь простил его и восстановил в прежнем чине и должности. В дни большевистского переворота и бессудных расправ с белыми офицерами его спасли солдаты, которые вынесли своего командира в мешке. Об этом я знаю со слов родных, но, заглянув в Интернет, действительно обнаружил имена трех генералов, носивших фамилию *Позоев* - *Георгий Аветикович*, генерал-майор (1915); *Леон Аветикович*, генерал-лейтенант (1913); *Рубен Аветикович*, генерал-майор (1915). Выходит, что мне довелось стать внучатым племянником трех царских генералов Позоевых. Но, разумеется, ни в каких анкетах советского времени никто из нас об этих родственниках не упоминал: неизбежно начались бы неприятности, а то и преследования со стороны властей.

Левее на фотографии изображена сидящая женщина примерно тридцати лет. Это жена Василия Аветовича Позоева – моя бабушка со стороны матери *Ольга Александровна Позоева* (1866/?! - декабрь 1959 г.). Ее девичья фамилия была Джабар (русифицированная форма – *Джабарова*). Происходила она из семьи кавказских миллионеров *Каргановых* (в Тбилиси даже одна из улиц называлась Каргановский спуск). Бабушке в виде приданого был выделен четырехэтажный доходный дом недалеко от верхней станции тбилисского фуникулера на улице Чонкадзе (кажется, она и по сей день носит имя грузинского писателя XIX в. Даниэла Чонкадзе).

Бабушка широко занималась благотворительностью. Один из ее выкормышей некий Гриша Арутинов (Арутюнян) в 1937 г. стал первым секретарем большевистской партии в Армении. В это же время в годы большого террора был расстрелян муж моей тетки Лизы *Николай Иванович Павловский*, а сама тетка сослана в Казахстан (о них обоих рассказано ниже). Бабушка написала письмо Грише Арутинову с мольбой о помощи. Ответа не последовало. Конечно, вряд ли этот крупный партийный функционер, бывший палачом и жертвой одновременно – с одной стороны, он подписывал смертные приговоры ни в чем не повинным людям, а с другой, его собственная родня подвергалась необоснованным репрессиям – мог что-нибудь для бабушки сделать, но, видимо, он и не пытался...

Дом бабушки Ольги Александровны в годы революции был отобран большевиками. После переезда бабушки и дедушки в Москву в небольшой квартирке тбилисского дома продолжала жить со своей матерью любимая воспитанница бабушки, ставшая известным педиатром и получившая звание заслуженного врача Грузии *Варсик Казарян*. Она была настоящей подвижницей, ее знал весь город. Так вот, будучи в первый раз в Тбилиси в 1949 г., я остановился у Варсик, где встретил необычайно ласковый прием. Запомнилось мне, как ранним утром на улице продавцы кислого молока – мацони – дурными голосами орали «Ма-а-цун! . . . Ма-а-цун! . . .». Помню, как добрейшая Варсик предлагала к утреннему завтраку по сей день любимую мной чачу (виноградную домашнюю водку), а в дорогу дала мне банку с аджаб-сандамом – вкусным блюдом, приготовленным из баклажан, помидоров, сладкого перца, лука и других овощей.

Вернемся к рассказу о моей бабушке. Помимо армянского и, видимо, грузинского, она свободно говорила по-русски, обладала незаурядным природным умом, была неутомимой рассказчицей. Все окружающие, в том числе и я, любили её. Она же больше всех любила старшего сына Маргариты Сашу и все прощала ему. С бабушкой всегда было интересно, а в ее присутствии, как принято говорить, «не было страшно». В самом деле, казалось, что эта волевая и энергичная женщина не боялась ничего: свирепого властителя Советской империи диктатора Иосифа Джугашвили – Сталина ненавидела, называла его «Сатхи» (по-армянски что-то вроде: *пусть он сдохнет*). Ее дочери – моя мать и тетя Маргарита (*Маргуша* или *Марго*, как звали её близкие) – испуганно просили не говорить таких слов при детях – это было крайне опасно. Бабушка утверждала (скорее всего, это легенда), что она прятала Сталина от охраны в своем доме в Батуми в начале 1900-х годов. По словам бабушки, в гостиной шла игра в винт. Карточными партнерами были мой дед, сама бабушка и некий жандармский полковник, имя которого я в студенческие годы знал, но за давностью лет забыл. Помню, однако, что в советские времена этого полковника в исторической литературе называли кровавым палачом и царским сатрапом. Бабушка же утверждала, что он был милейшим человеком, и при этом очень сожалела, что не выдала ему Сталина, прятавшегося во время карточной игры в подвале того же дома.

Под конец своей длинной жизни бабушка, видимо, не вполне серьезно объявила меня своим душеприказчиком (т.е. исполнителем

завещания). А незадолго до смерти сообщила, что слагает с меня эти обязанности по той причине, что, кроме рваной старой юбки, у нее ничего не осталось. Увы, так оно и было...

Слева на фотографии изображена стоящая женщина. Это сестра моей бабушки *Елизавета Александровна Васильева* (урожденная Джабарова). Рядом с ней сидит ее муж – *Васильев*, который, насколько помню по рассказам мамы, был в царское время вице-губернатором Эриванской губернии. В нашей семье к нему почему-то относились иронически: так, в старости Васильев, по словам моего дяди Сергея Васильевича Позоева, воспринимал малейшее недомогание как приближение конца, он собирал близких и говорил: «*ОТ-ХО-ЖУ ...*».

Я никогда не встречался с Васильевым, не запомнил его имени. Умер он, возможно, до моего рождения. А вот его жену – «бабушку Лизу» – видел несколько раз. В 30-х гг. она изредка посещала наш дом в Староконюшенном переулке. Это происходило в дни приезда к нам Лизиной сестры – моей родной бабушки Ольги Александровны. Припоминаю, как по просьбе бабушки Лизы я купил для нее на Арбате какие-то особенные спички, которые, как всё на свете в те годы, были в дефиците.

У Васильевых была дочь: в разговорах мамы и Маргуши упоминалась их двоюродная сестра *Лена Васильева*, но сколько-нибудь тесные отношения с ней не поддерживались, и познакомиться с Леной Васильевой мне не довелось.

Сидящая в кавказском головном уборе женщина (на фотографии слева) это моя прабабушка, звали ее *Софья* /?/ *Джабарова*, она была женой моего прадеда Александра Джабарова и матерью моих представленных на фотографии бабушек – Ольги и Елизаветы, а также матерью их брата *Михаила Александровича Джабарова*. Последний изображен сидящим подле своей матери на низкой скамеечке. В семье Михаил был всеобщим любимцем. В рассказах моей мамы и ее брата Сергея Васильевича Позоева (который, видимо, еще не родился на момент создания фотографии и потому в этих заметках только упоминается) «дядя Миша» был обаятельным и добрым человеком. Он играл заметную роль в жизни Тифлиса, был членом городской управы. Погиб он трагически, будучи еще совсем не старым человеком: после неудачной попытки подстричь вросший на ноге ноготь у него началось

заражение крови. Нельзя забывать, что антибиотиков в те времена не было. Ранняя смерть Михаила Джабарова потрясла его близких... А когда много позже стригли ногти моим маленьким сыновьям, а потом и внукам, то, доказывая важность этой процедуры, всегда вспоминали печальную историю «дяди Миши».

Михаила Александровича Джабарова не стало в годы Первой мировой войны (или непосредственно перед ней), а моей прабабушки Софьи Джабаровой – в 20-х гг. XX в. Ни того, ни другой я не знал и знать, разумеется, не мог.

Теперь скажу несколько слов о моей маме (напомню, что она младше всех остальных изображенных на фотографии членов семьи). ...Итак, крайнюю слева девочку звали по-армянски *Хехин* *Ե* (Елена) *Барсеховна* (Васильевна) *Позоян*. Она хотела стать актрисой и поехала в Москву, где поступила учиться в Школу театрального искусства Софьи Васильевны Халютиной (1875-1960). Саму С.В.Халютину я видел на сцене Художественного театра в роли Шарлотты в «Вишневом саде» Чехова: ей было тогда около 70 лет. Играла она с большой остротой и характерностью.

Мама поступила в только что открывшийся Камерный театр (1914), где сыграла несколько ролей (Иродиада в «Саломее» Уальда, кормилица Энона в «Федре» Расина и др.), лучшей своей актерской работой она считала участие в драме Поля Клоделя «Благовещение». В 1924 г. в результате конфликта с режиссером Александром Таировым мама вынуждена была уйти из Камерного театра. После чего она продолжала актерскую деятельность (например, в Бакинском драматическом театре). До конца своих дней мама сохраняла близкие отношения с дочерью Таирова от первого брака *Тамарой Александровной Таировой* (примерные годы жизни: 1902-1979). Эта женщина, ее домашнее имя Муся, не имела собственной семьи, трепетно относилась к маме и отличалась исключительной порядочностью. Когда умер Александр Таиров (1950), мама говорила Мусе: «Пойди к вдове твоего отца знаменитой актрисе Алисе Коонен и скажи, что тебе, как дочери, причитается часть отцовского имущества». Тамара Таирова с большим достоинством отвечала: «Если бы мой отец хотел что-нибудь оставить мне, то упомянул бы меня в своем завещании. Раз он этого не сделал, против его воли я не пойду».

Первым маминым мужем был художник В. Роберг: ни о самом художнике, ни о причинах маминого разрыва с ним, я не знаю ничего. Другой, более известный ценителям искусства живописец Павел Кузнецов создал «Портрет артистки Е. В. Позоевой». В советское время *Павел Варфоломеевич Кузнецов* был не в чести, его подвергали жесткой критике за "эстетизм" и "формализм": мамин портрет находился в запасниках Картинной галереи Еревана. Когда летом 1949 года я впервые побывал в Ереване, то остановился в доме маминого друга *Рубена Григорьевича Драмбяна*, создателя этой самой Картинной галереи. При ее посещении он представил меня находившемуся в галерее художнику *Мартirosу Сарьяну*. Тот обратился ко мне: «Хотите, я попрошу, чтобы принесли портрет вашей мамы?» – «А вас послушают?» - вместо ответа спросил я. Вопрос, обращенный к имевшему мировую славу живописцу, был наивным и глупым. Картину, разумеется, тотчас принесли, поставили на пол, прислонив к стене, чтобы я мог разглядеть портрет матери.

В 1965 г. я вновь посетил Ереван, работа Павла Кузнецова находилась уже в экспозиции галереи. Меня сопровождала группа моих бывших учеников : «Ну, как, есть ли сходство с Еленой Васильевной?» – спросил я тех из них, кто был знаком с моей старой мамой. Молодые люди лишь смущенно покачали головами.

Некоторое время мама снимала комнату в московском доме Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке (мама дружила с сестрами Сергея Эфрона, мужа Цветаевой). Сколько это продолжалось, и когда было, точно не знаю, но, определенно, ранее мая 1922 года, когда Цветаева покинула Россию. О самой Цветаевой сохранились такие мамины строки: "Марина была очень умна. Наверное, очень талантлива. Но человек она была холодный, жесткий; она никого не любила. ... Часто она появлялась в черном ... как королева... и все шептали: "Это Цветаева... Цветаева пришла..."

За моего отца видного инженера-строителя *Израиля Абрамовича Годера* моя мама вышла замуж в 1923 г. и прожила с ним до его ареста 15 лет. В ночь на 22 февраля 1938 г. – это был мамин день рождения – за отцом пришли, спящих детей «пощадили» и нас с сестрой будить не стали. Утром, не подозревая о случившемся, мы подарили маме купленный к ее дню одеколон «Ореанда».

До своего ареста отец занимал достаточно высокий пост начальника отдела капитального строительства ЦАГИ. Отца обвинили во вредительстве и отправили на Колыму. После 8 лет ссылки он вернулся, но не в Москву, где ему не разрешили жить, а в Собинку Владимирской области (летом 1948 г. я приезжал туда на несколько дней навестить отца, продолжавшего работать инженером-строителем). Затем последовал его новый арест, уже без предъявления обвинения, и бессудная ссылка на поселение в село Большой Улуй близ Ачинска.

Мама несколько раз ездила к отцу в Сибирь. Она рассказывала, что ее приезда ждал не только отец, но и остальные ссыльные, большая часть которых принадлежала к интеллигенции: мать пекла пироги, накрывала стол. Эти, безвинно страдающие люди, приходили вечерами, общались друг с другом, вели душевные разговоры. Для них эти встречи были несомненной отдушиной. В 1956 г. все, дожившие до этой даты, включая моего отца, были реабилитированы за отсутствием состава преступления. Некоторые из них стали появляться в нашем московском доме. Среди них помню – вдову расстрелянного Сталиным Георгия Ипполитовича Ломова-Оппокова. Выходец из дворян он стал большевиком, соратником Ленина и был избран в первый состав советского правительства как народный комиссар юстиции. Приходил со своей женой некто Михин (запамятовал их имена), друг Андрея Белого, приверженец религиозного учения антропософов.

Теперь расскажу о сидящей на ковре и прижавшейся к дяде Мише маминой сестре, *Маргарите Васильевне Позоевой* (1891 – январь 1970). Она была замужем за двоюродным братом моего отца *Давидом Захаровичем Малявским*, но сохраняла добрачную фамилию. О Маргуше можно сказать много прекрасных слов, была она яркой личностью: красива, умна, знала и любила художественную литературу, музыку, живопись. Но при этом обладала характером, мягко говоря, непростым. Была остра на язык, язвительна, категорична в мнениях, порой запелляционна и за пределами семьи мало кого до себя допускала. Собственно говоря, помню в ее доме из многочисленной родни дяди Давида только его сестру Дашу с мужем известным финансистом Владимиром Соломоновичем Штейнбергом, да сослуживицу-грузинку Веру Варнамовну Буш. К советским порядкам Маргуша относилась весьма критически. Впервые из ее уст, будучи ребенком, я услышал резко расходившуюся с общепринятой оценку Ленина: «*Все зло пошло от него!*».

Будучи уже в годах, Маргуша продолжала любить рискованные шутки. Однажды, придя домой, она позвонила в собственную квартиру. Мы бросились открывать и увидели мою тетку, невозмутимо стоящую на лестничной площадке с букетом цветов и какими-то покупками. Фишка состояла в том, что она была в голубом трико, т.е. в нижнем женском белье, но... без юбки. Как потом выяснилось, Маргуша перед самой дверью из озорства сняла свою модную тогда юбку, которая не надевалась через голову, а обертывалась вокруг талии (этот покрой острословы называли «мужчине некогда»). Помню также, что заместителя декана того факультета, где мы с кузенком Сашей учились, звали Николай Васильевич Епанешников, к слову сказать, о нем у меня сохранились самые хорошие воспоминания. Так вот, Маргуша утверждала, что такой фамилии не бывает. Произнося ее, она меняла лишь один звук, и фамилия сразу же становилась непристойной.

Ко мне Маргуша относилась неоднозначно. Но теперь по прошествии стольких лет хочется вспоминать только хорошее. Часто мы приезжали в гостеприимный дом, где всегда был накрыт стол. Из всей семьи Маргуша готовила лучше всех: запеченная в духовке телятина с овощами, пирожки с капустой и мясом, армянская сладкая выпечка кята были выше всяких похвал. В конце обеда в маленьких дорогого фарфора чашечках подавался крепкий черный кофе, сваренный в джезве из промолотых в старинной мельничке зерен. Настоящий кофе считался деликатесом: дома по утрам нас поили безвкусным желудевым кофе «Здоровье».

В дни моего нищего студенчества Маргуша время от времени дарила мне 10 рублей (для сравнения месячная стипендия первокурсника составляла 22 рубля). Помню также, как летом 1953 г. мы отдыхали с моей женой *Ириной Сергеевной* на берегу моря недалеко от Батумского ботанического сада (Аджария). Мы были молоды и легкомысленно потратили почти все деньги, а моя мама в то время была у отца в Сибири и ничем помочь не могла. Тогда мы обратились с просьбой к Маргуше, которая незамедлительно выслала телеграфом значительную сумму. Вернувшись в Москву, мы отдали долг, а также подарили привезенный из Грузии большой куст любимой Маргушей лакфиоли в цветочном горшке.

В июне 1955 г. прямо на работе от сердечного приступа умер муж Маргуши дядя Давид. Ему было 69 лет, говорили, что его уход из

жизни был ускорен пристрастием к папиросам, курил он и на самом деле много. Когда Маргуше по телефону сообщили о случившемся, она громко закричала: «*Как он ПОСМЕЛ!*». В этом возгласе заключалась вся ее натура – властная, не терпящая противоречий... Маргуша пережила своего мужа без малого на 15 лет, ездила на кладбище, в первые годы едва ли не ежедневно. Смерть ее была легкой: она умерла во сне (1970). Глядя на лежащую на столе умершую, я произнес слова, которые могу повторить теперь, спустя без малого сорок лет: «Маргуша была одним из самых близких мне людей!».

После кончины Маргуши я больше ни разу не был в ее доме и практически не общался с ее сыновьями – Сашей и Васей. На то были свои причины, но это уже совсем другая история.

Осталось мне рассказать о старшей из сестер Позоевых – моей тетке *Елизавете Васильевне Павловской* (1889 – июнь 1951), изображенной на фотографии справа, у ног своей матери Ольги Александровны Позоевой. Мы ласково звали ее Лизочкой, вспоминали сентиментальные слова романса Чайковского «Мой Лизочек так уж мал, так уж мал...». По окончании гимназии Лиза некоторое время работала в нотариальной конторе своего отца, а моего деда Василия Аветовича Позоева.

За несколько лет до крушения Российской монархии Лиза вышла замуж за *Николая Ивановича Павловского*, чью фамилию до конца своих дней носила. Коля (так все в семье звали его) в молодости был офицером из Конвоя наместника Кавказа и командующего войсками Кавказского военного округа. Был ли этим наместником граф Воронцов-Дашков (1905-1915) или сменивший его Великий князь Николай Николаевич, точно не знаю. Насколько помню, Коля дослужился до чина казачьего полковника; в советское время в том же чине он служил начальником Питомника служебного собаководства. Далекий от политики Коля больше всего любил женщин (увы, его измены были источником тягостных переживаний Лизы), собак, лошадей и... детей.

Собственных детей у Коли и Лизы не было. Из четырех своих племянников Лиза больше всего любила младшего, она ласково называла меня *Мои серые глазки* (о чем свидетельствует помещенное в приложении к этим заметкам письмо). Коля же, пожалуй, больше любил мою сестру Анну. По словам мамы, он говорил ей: «Леночка,

вас надо наградить – вы замечательная производительница...». Мама смеялась: «Ну, что вы такое говорите. Так можно сказать разве что о собаках или лошадях...». Но Коля не оговаривался и тем более никого не хотел обидеть: собаки и лошади были его страстью. Думаю, в глубине души он ставил их выше людей.

Зимой 1936/37 года меня привезли на неделю-другую в дом Коли и Лизы: родители боялись, что в своем доме я могу заразиться от моей сестры, заболевшей в ту пору не то скарлатиной, не то чем-то еще. Лиза и Коля жили в Лаврушинском переулке и занимали две комнаты в огромной коммунальной квартире, где мне довелось прожить несколько незабываемых дней.

Коля запомнился мне высоким, привлекательным, бесконечно добрым и веселым человеком. Помню, как он сажал меня на санки и катал по Лаврушинскому переулку. А когда появлялись большие сани, запряженные лошадьми – в те времена их было много на зимних улицах Москвы – то, не спрашивая у возницы, привязывал мои санки к большим саням, и я, замирая от страха и восторга, быстро катился по замерзшей мостовой.

Помню так же, как он позвал в гости соседских детей примерно моего возраста. Видимо, для них это было не первое посещение Колиного дома: они привычно построились и запели песенку Роберта из недавно появившегося на экранах фильма «Дети капитана Гранта».

А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер,
Веселый ветер, веселый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете,
И все на свете песенки слышал.

.....
Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоем.
Кто весел - тот смеётся,
Кто хочет - тот добьётся,
Кто ищет - тот всегда найдёт!

Коля с явным удовольствием слушал детское пение...

Одним из множества преступлений сталинского режима был бессмысленный расстрел Николая Ивановича Павловского, которого можно было попрекнуть разве что его романами с женщинами. По

словам моей сестры Анны, погубило Колю то, что он прилаживался к известному партийным функционером Авелем Енукидзе: оба были страстными охотниками. Как известно, Енукидзе считался ближайшим другом Сталина, что не помешало последнему объявить его врагом народа и уничтожить.

Друживший с Колей и обожавший его дядя Сережа (Сергей Васильевич Позоев) многократно повторял, что отчетливо представляет себе, как падает пораженный пулями палачей этот большой, красивый и добрый человек.

Вскоре и Лиза как жена «врага народа» была арестована и на много лет сослана в Акмолинский лагерь (Казахстан). По счастью, её не лишили права переписки, и я еще в довоенное время стал обмениваться с ней письмами. Для меня в соответствии с моим возрастом эта переписка носила характер игры: свое небольшое послание я писал несколько дней в форме дневника, а к подневным записям прикладывал печатку с передвижными резиновыми полосками – на листе бумаги отпечатывался год, месяц и число. Лиза аккуратно отвечала на мои письма. В одном из писем она писала:

Я вот уже 7 лет не вижу ни деревца, ни травки, одну желтую, сухую глину. Мечтаю о том, чтобы когда-нибудь... пожить где-нибудь, где красивые леса, луга, река.

Кроме писем, Лиза, когда выдавалось свободное время, вышивала скатерти и тюбетейки. Последние пересылала мне в подарок, и я охотно носил их летом. За несколько дней до начала войны в июне 1941 г. разрешение на свидание с Лизой получила ее мать, а моя бабушка Ольга Александровна Позоева. Ей было тогда 75 лет. Она отправилась одна без провожатых из Москвы в далекий Акмолинск...

Отбыв срок, Лиза поселилась в Кольчугино Владимирской области (проживание в Москве ей было запрещено). Она с большим увлечением стала преподавать в техникуме английский язык, который выучила в юности; по образованию Лиза была юристом. В конце 40-х годов я на несколько дней приехал в Кольчугино, чтобы повидаться с Лизой. Мы много беседовали с ней, гуляли по лесу. Ее забавляло, что хозяин дома, где она снимала комнату, читал том за томом энциклопедию Брокгауза и Эфрона, причем подряд одну статью за другой. Сама Лиза, как и ее сестры, трепетно любила русскую литературу. О лагере она рассказывала немного, говорила, что встречала там достойных людей. Одним из них был вольнонаемный врач, который умел находить

нужные слова и облегчать страдания ссыльных женщин. Весь лагерь ласково называл его Бром Валерьянович.

В Кольчугино Лизе поставили страшный диагноз: рак. Несмотря на запрещение властей, она приехала на обследование в Москву, где остановилась в квартире Маргуши и Давида: «Пусть живет столько, сколько захочет и будь, что будет!», – сказали они оба. Вместе с моей мамой мы повезли Лизу на такси в клинику очень известного в то время онколога Копельмана. Диагноз кольчугинских врачей в этой клинике не подтвердился... Однако радоваться было рано: скоро стало ясно, что правы были рядовые рентгенологи из маленького городка, а не прославленный столичный мэтр. Помню, что именно это произвело на мою маму сильное впечатление. Летом 1951 года Лизы не стало, умирала она в больнице в тяжелых мучениях. Последняя книга, которую Лиза читала (скорее надо сказать, перечитывала) была «Три мушкетера»... До сих пор меня не покидает чувство вины: будучи погруженным в собственные переживания – по окончании института мне, как сыну репрессированного и полуеврею, не давали работы и не разрешали остаться в Москве – я не был до конца внимательным к Лизе в ее последние страшные дни. Да простит мне Бог!

Ныне, проходя по Лаврушинскому переулку мимо стоящего во дворе дома из красного кирпича, он расположен наискосок от Третьяковской галереи ближе к каналу, всегда с грустью вспоминаю минувшие времена и трагические судьбы моих дорогих Лизы и Коли.

На этом заканчиваю свои краткие заметки. Светлая память ушедшим!

Георгий И. Годер

Лето 2009 года

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже приведен текст единственного сохранившегося у меня письма моей тети Лизы (Елизаветы Васильевны Павловской, урожденной Позоевой). Письмо написано в лагере близ Акмолинска в Казахстане, где Лиза отбывала ссылку. Оно отправлено 21 августа 1944 года и получено, как следует из поставленного мной штампа, 2 сентября того же года. В письме Лиза называет меня моим домашним именем (Гарик).

Орфография и пунктуация подлинника сохранены без изменения.

Дорогой мой, дорогой, горячо любимый Гарик, поздравляю тебя с днем твоего рождения, будь здоров, счастлив, пусть в жизни твоей случится всё то, о чем ты мечтаешь, чего ты хочешь достигнуть. На таком огромном от тебя расстоянии я так часто, часто мысленно с тобой, радуюсь, думая о тебе. Как хочу видеть тебя, поговорить с тобой! Но это будет еще не скоро, мне надо еще набраться на долго сил и терпенья. Сегодня получила твое письмо, написанное 2-го августа на вокзале. Твое письмо такое же ласковое, хорошее, как ты сам, Гарик. Спасибо, что ты написал мне его. Я с тобой согласна, природа пожалуй самое прекрасное в жизни. Меня она тоже сильно влечет к себе, особенно сейчас когда я вот уже 7 лет не вижу ни деревца, ни травки, одну желтую, сухую глину. Мечтаю о том, чтобы когданибудь с тобой и со всеми моими дорогими и любимыми пожить гденибудь, где красивые леса, луга, река. Ты хорошо помнишь Верею? Когда у тебя будет время, напиши мне, какие книги тебе больше всего нравятся, любишь ли ты музыку? Есть ли у тебя хорошие товарищи? Я знаю, что самый большой твой друг, это твоя мама и за это я люблю тебя еще больше. Целую тебя и Анночку крепко. Твоя Лиза

Я посылаю тебе тюбетейку взамен той, которую у тебя украли.

Мои серые глазки люблю тебя крепко.